

ПОСВЯЩЕНИЯ

Владимиру Чуриллину

Памяти поэта

ВИТАЛИЙ ЦЫГАНКОВ

Он вечно лез куда-то не туда –
Куда ни рак клеиной,
ни конь копытом.
Воинственным прослыл.
Да вот беда:
Нередко был и сам жестоко битым.

К иным из нас весьма неласков рок,
Но тут уж
на судьбу напрасен ропот,
Коль вечным бунтарям
идет не впрок
Допрежних катастроф
печальный опыт.

Он в лихолетье мог залечь на печь,
Но рвался в бой,
где был в своей стихии, –
Туда, где в травы
скатывались с плеч
Соратников головушки лихие.

Таких нередко предают хуле,
Что это, дескать,
лишь самореклама.
Как видно,
в кайф злословить об орле
Бескрылым, копошащимся в земле...

А павшие за честь не имут срама!

Страх высоты

ЮРИЙ АБАЗОВ

Мерцанье ледяной звезды
Тебя в пути сопровождало
В минуты счастья и беды,
Но чувств совсем не пробуждало.

То ощущение пустоты
От жизни все не убывало
И – от дыхания высоты –
Дух круче, выше забирало!

На разряженной вышине
Труднее дышится... Но легче,
Когда один ты – в тишине –
Слегка касался вышней речи:

Те откровения в тебя
Вливались просто и свободно,
Чтобы открылась нам судьба
Своею сущностью холодной...

Но ощущение высоты
Еще сильнее нарастало –
Ты прыгнул в ужас пустоты –
Ты падал... А душа – летала!

РЕЗОНАНС

Последняя воля

22 февраля в «ММ» опубликована статья «Зима Любви Богдашкиной». В ней рассказывалось о творчестве поэтессы, чьи стихи не раз публиковали на страницах «Металла». Любовь Ивановна ушла из жизни полтора года назад, но остались ее рукописи. Пенсионерка Тамара Аверочкина мечтает выполнить последнюю волю своей подруги – издать небольшую книгу стихов Любви Богдашкиной.

– У Любви Богдашкиной много коллег и учеников. Ее хорошо знали в Магнитке, – обращается ко всем неравнодушным людям Тамара Ивановна. – Она – отличник народного образования, ветеран педагогического труда. Прошу откликнуться всех, кто может внести посильный вклад в систематизацию, набор и редактирование текстов, а также издание стихотворного сборника.

Телефон Тамары Аверочкиной 8-904-973-93-85.

БЫЛОЕ | Глубокий тыл воевал – от мала до велика

ВЛАДИМИР ПЕТРЕНКО

В тот год, осенью 41-го, уральские клены безмятежно хлопали в ладоши, словно приветствуя затянувшееся лето – ясную и в меру теплую пору. Природа никогда так не старалась: все, что могло расти, давало плодов в изобилии. Как будто предвиделись голод, запустение и предлагалось запастись впрок. И надо бы!

Двойная ноша

Но пахнущий заводским дымом город сильно обезлюдел. Эшелон за эшелон отбывали с вокзала с надписями на теплушках «Все для фронта – все для победы!» А оставшимся жителям досталась двойная ноша – работа от зари до зари. И ребятя в дворах так не толкалась, как прежде. В первый день осени колокольчик прозвенел только для малышей, а старших будили по утрам петухи, и один урок – близкий к ботанике – занимал их все время: в окрестных совхозах они подкапывали лопатами и таскали в корзинах и ведрах розовые, как новорожденные поросята, клубни картофеля, выдерживали с натугой необыкновенной крепости морковь.

А мы с однокашником Пашкой прошли за эти дни сельской жизни курс зоологии.

Одноглазый, с кучей бородашкой бригадир Пахомыч с нами не очень церемонился.

– Ты, – сказал он мне, – поди запрягать быков, а мы с Пашком с лошадью управимся.

Бычков Пахомыч один раз при мне ловко приладил к ярму, и норостивые животные не очень этому противились. Но меня не хотели слушаться: развалились в теплой пыли подле арбы и посапывают широкими ноздрями. Тянул-тянул одного и другого за рога – никакого толку.

Пашка с Пахомычем уже прогромыхали мимо на телеге-водовозке, а я все бился с этой ко всему равнодушной парой.

– Ах так! Ну, лодыри, сейчас вам вмажу и, прихватив подвернувшуюся хворостину, вытянул в сердцах по тучным спицам – и тут же устыдился своего поступка. Быки поднялись неторопливо и гордо, меланхолично что-то пережевывая, они понуро смотрели на меня. Ну что с них возьмешь! Кому может понравиться такое занудное тягло – таскать арбу, доверху нагруженную то соломой, то мешками с овощами. Но ничего иного не могли, а потому пусть подставляют холки. Они это сделали привычно и так резко, что чуть не прищемили руку, когда подставлял ярмо. С ними еще туда-сюда, крикнешь: «Цоб- цобэ!», что означало: давай трогайся, вышагивают себе, то и дело оставляя за собой шлепки. Лошадь похитрее. Когда впервые запрягал кобылу Машку, а Пашка стоял поодаль и посмеивался, то обнаружил, что кожаная снасть, супонь, никак не стягивается у нее на животе. Бился-бился: ничего не получается. А Пашка, наблюдая мои муки, знай себе ухмыляется.

Нехитрая работа

Я подозрительно посмотрел на него:

– Ты что ржешь? Укоротил супонь?

– Да нет, – скаламбурил Пашка, – она тебя надувает тем, что живот надувает. Вот смотри, как надо делать. Сейчас она у нас в два счета похудеет – с этими словами он легонько пнул Машку в живот ногой, и она тут же шумно выдохнула воздух. Дальше уже дело пошло. Пришлось, правда, немного повозиться с хомутом и дугой при закреплении оглобли, но с третьего раза уже не хуже Пахомыча снаряжал нашу лошадь в поход.

Работа у нас была нехитрая: начерпать в бочку воды и отвезти на кухню, полевой стан, пару раз арбой подвезти сено. Но я еще не был знаком с норовом лошадей и за это чуть было сильно не поплатился.

Механической косилкой в совхозе косили

Осенью сорок первого

траву. Делалось это так. Косилку тянули быки, а чтобы они не сворачивали с прямой, впереди запрягали лошадь, которой надо было управлять верхом. Эту работу поручили мне. Все было хорошо. В тот день мы скосили изрядный клин. Подошло обеденное время. Я сидел на лошади босиком и, спрыгнув, ненароком сковырнул у нее на боку болячку, оставшуюся от укусов оводов. Ранка закровоточила. Я пригнулся, думая, чем бы ей помочь, достал из кармана какую-то тряпочку, приложил к ранке, и в это время она меня лягнула в колено. Несильно, казалось бы, для нее, нечто вроде легкого шлепка, но я отлетел метра на три и не мог встать, колено сразу же сильно вздулось. Дня три нога у меня не сгибалась.

Я начал рассказ о первых тыловых военных днях так, как они тогда воспринимались в нашем детском сознании. Мы еще не ощутили всей трагедии. Нас отвезли в глухую, далеко отстоявшую от города деревушку, где и радио-то не было и вечерами сидели при керосиновых лампах. У многих моих одноклассников отцы имели «бронь», работая в горячих цехах – у домен, мартенов, на прокате. Мы были убеждены, насмотревшись проникнутых героизмом фильмов о временах гражданской войны, что с такими маршалами, как Ворошилов и Буденный, нам не страшна никакая сила, что «от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее». Скорые победы на озере Хасан, Халхин-Голе вселяли уверенность, что и эта война не сегодня-завтра кончится. Наши герои – конники, моряки, летчики, танкисты – всех сомнут, уничтожат, что никакие вредители, портреты которых по велению учителей заклеивали или замарывали чернилами в учебниках истории, не смогут нам помешать.

Школа стала госпиталем

Холод, голодное, нищенское существование, жуткая привычка к чужим смертям – все это будет впереди. А сейчас нас до отвала кормили в совхозной кухне, да еще подкладывали что получше хозяйки в домах, по которым нас расселили. А трудились всего полдня, остальное же время бродили по лесу в поисках грибов и ягод, ловили рыбу в речке Гумбейке, а то собирались около учительницы: она нам что-нибудь читала, играла в швай, орлянку, перышки, в лапту...

Во все еще солнечный октябрьский день нас подвезли к станции. Там стояли, выстроившись в очередь, с десяток санитарных машин. Из вагонов состава, остановившегося на соседнем пути, в непривычном для вокзалов молчании выводили и выносили на носилках заросших людей в бинтах, сквозь которые проступали бурые пятна. Санитарные машины тихо трогались с места и уносились в город. Мы смотрели на это во все глаза, первый раз увидев тех, кто воевал с фашистами. Потом нам уже было привычно встречать во дворах школ, городском Дворце культуры, превращенных в госпитали, одетых в серые фланелевые пижамы поправлявших бойцов. Они доставали из кисетов махорку, сворачивали из газет цигарки, подшучивали друг над другом, заговаривали с проходившими мимо женщинами.

Наша школа,

пока мы были в деревне, тоже стала госпиталем. Но переход

в другую школу, которая находилась значительно дальше прежней,

нисколько не огорчил. Там ждала очередная новость: в

классе было много новичков из эвакуированных. Они приехали из Днепропетровска и

заворожили всех рассказами о том, как пробирались на

Урал сквозь бомбежку и обстрел; некоторые показывали свежие царапины, подобранные осколки

мин и снарядов.

Уроки потянулись своим чередом. Только уже не было прежнего

веселья на переменах. Едва прозвенит звонок, ученики, толкая друг друга, торопились

в буфет получить тарелку галушек.

Но толком поесть многие не успевали:

пока подходила очередь – перемена

кончалась, и полученную в давке тарелку приходилось буквально опрокидывать в себя,

глотать галушки не разжевывая. А недостаток питания ощущался все острее. Дома ждала нас

пятисотграммовая пайка хлеба на весь день да то, что можно было приготовить из мизера круп

и сахара, выданных по карточкам; и ничего мясного и молочного. Деньги потеряли свою

цену. На шумном базаре только обменивали еду на барахло.

А в кинотеатрах шли боевые киноленты, где наши бойцы лихо расправлялись с фашистами. И мы не ломали головы – доверять или не доверять každодневным информационным сводкам, в которых сообщалось о превосходящих силах противника, которые вынуждали наши войска оставлять город за городом.

Не с радостью, а с тревогой ожидали в семьях почтальонов – чаще всего приходили с фронта сообщения о пропавших без вести, павших смертью храбрых. Вот и в наш дом поступала беда – погиб брат отца под Смоленском, а в Краснодаре осталась в оккупации бабушка.

Она еще вернется, как и многие другие, о ком сокрушались горожане, но не скоро.

А для этого и глубокий тыл воевал – от мала до велика. Вчерашние школьники овладевали мастерством сталеварения и прокатки брони, домохозяйки становились к токарным станкам вытачивать снаряды и мины.

И мы с Пашкой одели бушлаты ремесленников, до времени простившись со школой, чтобы и наши локти почувствовали рядом отцы-фронтовики